

ТРИ

ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ СТАРООБРЯДЦА.

ТЕРТІЯ ФИЛИЦОВА.

X

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. Стасюлевича. Вас. Остр. 5 лин. 28.

1899

Дозволено цензурою. С. Петербургъ. 7 іюня 1899 г.

На значеніе клятвъ 1667 г. мой взглядъ всегда былъ одинъ и тотъ же; но окончательную увѣренность въ истинности моего взгляда я получилъ послѣ знакомства съ Павломъ Прускимъ, съ которымъ имѣлъ по этому вопросу четырехчасовую бесѣду.

Въ 1866 г., послѣ довольно продолжительной разлуки съ Москвою, я имѣлъ случай тамъ быть и познакомиться съ іеромонахомъ Пафнутіемъ, бывшимъ старообрядческимъ коломенскимъ епископомъ, который только что перешелъ въ православіе и, по распоряженію митрополита Филарета, помѣщенъ былъ въ келіи Чудовскаго монастыря для собесѣдованій съ старообрядцами. Познакомился я съ нимъ при посредствѣ двухъ московскихъ купцовъ, Петра Васильевича Медвѣдева и Василя Васильевича Борисова, бывшаго спутника старообрядческаго архимандрита Геронтія по пути въ Бѣлую Крипицу и описаннаго П. И. Мельниковымъ въ его романѣ „Въ лѣсахъ“, подъ видомъ Василя Борисовича, тогда уже единовѣрца. Пафнутіи принялъ насъ очень любезно, посадилъ меня на диванъ, на который и самъ сѣлъ; спутниковъ моихъ помѣстилъ по обѣимъ сторо-

намъ дивана, а какіе-то два его посѣтителя сѣли въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ насъ, ниже приступочки, которая была въ келіи. Эти гости о. Пафнутія были въ русскомъ платьѣ и имѣли видъ *русскихъ* людей, какъ бы болѣе обыкновеннаго. Разговоръ нашъ начался и продолжался и шелъ до конца объ одномъ предметѣ: о радости недавняго обращенія къ Православной Церкви видныхъ бѣловриницкихъ дѣятелей. Говорилъ почти я одинъ. У меня отверзлись уста, рѣчь моя лилась складно и одушевленно, и я вскорѣ сталъ замѣчать, что одинъ изъ гостей о. Пафнутія съ явною жадностью вслушивается въ мои слова. На лицѣ его часто появлялась одобрительная и радостная улыбка, глаза его часто освѣщались огнемъ; однимъ словомъ, я чувствовалъ, что рѣчи мои доходятъ до его сердца. Бесѣда наша продолжалась немного менѣе четырехъ часовъ, и когда она окончилась и я съ своими купцами вышелъ изъ келіи о. Пафнутія, онъ пошелъ проводить меня въ корридоръ и тихонько сказалъ мнѣ:

— Тертій Ивановичъ! купцовъ-то мы отпустимъ, а вы, хотя на малое время, вернитесь въ мою келью; вѣдь это сидитъ у меня Павелъ Прусскій.

Мы познакомились, любезно поцѣловались и затѣмъ простились.

Когда послѣ насъ вышелъ изъ келіи Павелъ Прусскій съ своимъ спутникомъ Иваномъ Цвѣтковымъ, казанскимъ начетчикомъ-безпоповцемъ, то, проходя по двору Чудовскаго монастыря, Павелъ спросилъ у Ивана Цвѣткова:

— Ну, что же Иванъ, идешь?.. (т. е. идешь ли въ Церковь?).

Цвѣтковъ отвѣчалъ:

— Нѣтъ, я не согласенъ.

— Ну, а я иду, братъ; прощай!

Объ этомъ разговорѣ я узналъ впоследствии отъ самого Цвѣткова, который, прочитавъ мои разсужденія о нуждахъ единовѣрія, пріѣхалъ изъ Казани нарочно для свиданія со мной, напомнилъ мнѣ о бесѣдѣ въ кельи о. Пафнутія и о ея вліяніи на настроеніе Павла Прусскаго.

По знакомствѣ съ Павломъ Прусскимъ, я на другой же день поѣхалъ сказать о немъ графу А. П. Толстому, (бывшему оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода, жившаго въ ту пору въ Москвѣ безъ службы), который немедленно отправился къ нему и послѣ обстоятельнаго объясненія съ нимъ выразилъ мнѣ удивленіе, что Павелъ Прусскій совсѣмъ готовъ перейти въ Церковь, но претывается о *какія-то*, какъ выразился графъ, клятвы. „Что бы ни значили эти клятвы, все-таки Павелъ Прусскій долженъ бы понимать и, конечно, онъ понимаетъ это не хуже насъ съ вами, что онъ внѣ Церкви, и что внѣ ея ограды спасеніе сомнительно“.

Черезъ нѣкоторое время я возвратился въ Петербургъ, а за мною вслѣдъ прибылъ туда и Павелъ Прусскій по пути въ Пруссію, куда онъ отправлялся, чтобы заявить о своемъ рѣшеніи соединиться съ Православною Церковью. Онъ посѣтилъ меня, и во время нашей весьма продолжительной бесѣды онъ съ особенною ясностью и убѣдительною раскрылъ предо мною свой взглядъ на смыслъ клятвъ 1667 г., которыя многимъ старообрядцамъ, чувствующимъ и понимающимъ свое

неправильное религиозное положеніе, препятствуютъ соединиться съ Церковью. Послѣ его присоединенія къ Церкви, я получилъ отъ него очень трогательное письмо, въ которомъ онъ говоритъ объ обстоятельствахъ перваго нашего знакомства и съ благодарностью упоминаетъ о моей бесѣдѣ. „Ваши слова и донинѣ лежатъ посреди моего сердца“.

Послѣ этого видѣться намъ не пришлось долго, но встрѣтились мы съ о. Павломъ въ литературѣ по слѣдующему случаю. Въ моихъ сочиненіяхъ о болгарскомъ расколѣ я проводилъ ту мысль, что для уничтоженія этого раскола нѣтъ другого способа, какъ созваніе представителей всѣхъ православныхъ автокефальныхъ церквей на общій соборъ. Наставая на этой мысли, я упомянулъ и о томъ, что на этомъ соборѣ, если бы Богъ судилъ ему состояться, могли бы быть разсмотрѣны весьма многіе другіе вопросы, требующіе неотложнаго рѣшенія. Въ числѣ этихъ вопросовъ указанъ былъ и вопросъ о клятвахъ 1667 г., которыя полагаютъ претыканіе искреннимъ душамъ многихъ старообрядцевъ, и въ примѣръ затрудненій, которыя они испытываютъ, я прямо указалъ на о. Павла, испытаншаго такія затрудненія при своемъ переходѣ, и что слѣдовательно болѣе слабыя души остаются за частую выѣ Церкви и подвергаютъ себя опасности. Не мало я испыталъ удивленія, когда въ отвѣтъ на мои объ этомъ слова я прочиталъ въ Современной Лѣтописи (1870 годъ) отвѣдъ о. Павла, который заявилъ, что я въ этомъ ошибаюсь, что еслибы онъ—Павель—такъ думалъ о клятвахъ, то онъ и не присоединился бы къ Церкви, а присоединился уже онъ

послѣ того, какъ Богъ открылъ ему, что эти клятвы наложены за противленіе Церкви. О способѣ сдѣланнаго ему Богомъ откровенія онъ нивакого объясненія не предложилъ. *Одно ясно, что его рѣшимость вступить въ церковную ограду состоялась еще въ ту пору, когда на значеніе клятвъ онъ имѣлъ совершенно одинаковый со мною взглядъ.*

Въ 1872 г. начались, въ 1873 г. продолжались и въ 1874 г. окончились мои чтенія о нуждахъ единовѣрія въ с.-петербургскомъ Отдѣлѣ Общества Любителей духовнаго просвѣщенія. Въ подтвержденіе своего взгляда на значеніе клятвъ 1667 г. мною были приведены такія доказательства, которыя добросовѣстные изслѣдователи дѣла опровергать не будутъ. На московскихъ собесѣдниковъ съ старообрядцами—Пафнутія и Павла—Пруссаго мои чтенія произвели совершенно различное впечатлѣніе.

Пафнутій недоумѣвалъ и, повѣря быстро разнесшимся сплетнямъ, заподозрилъ меня въ неискренности и въ желаніи такою постановкою вопроса кому-то угодить. Въ такомъ настроеніи я засталъ его въ 1873 г., когда пришелъ въ его чудовскую келью, но чрезъ полчаса или часъ нашей съ нимъ бесѣды онъ отбросилъ эти подозрѣнія и съ тѣхъ поръ явно присоединился къ моимъ воззрѣніямъ и въ такомъ смыслѣ повелъ свои объясненія съ старообрядцами на кремлевскихъ площадяхъ, что нерѣдко ставило его въ значительное затрудненіе. Мнѣ помнится одинъ такой случай. Однажды о. Пафнутій бесѣдовалъ съ старообрядцами, стоя на ступеняхъ Ивановской колокольни. Въ недале-

комъ отъ него разстояніи стоялъ я, и когда о. Пафнутій произнесъ нѣсколько словъ въ смыслѣ моихъ чтеній о нуждахъ единовѣрія, то стоявшій тутъ же какой-то молодой старообрядецъ, возвысивъ голосъ, сказалъ ему:

— Пстой, пстой! Какъ же ты прежде говорилъ совсѣмъ иное?

— Послушайте, господинъ, — сказалъ онъ, обратясь ко мнѣ, — вотъ какъ онъ прежде объ этомъ думалъ и намъ передавалъ. Отчего же такая перемѣна?

Положеніе было затруднительное, ибо и нѣкоторые изъ предстоящихъ старообрядцевъ, бывавшіе на прежнихъ бесѣдахъ о. Пафнутія, подтвердили показаніе молодого старообрядца. Тогда о. Пафнутій совершенно особымъ оборотомъ рѣчи счумѣлъ увернуться кое-какъ отъ этихъ обличеній.

О. же Павелъ Прусскій возмутился моими чтеніями и написалъ ко мнѣ письмо, въ которомъ мнѣ за произведенное въ Церкви смущеніе грозилъ евангельскимъ судомъ.

Въ отвѣтъ на это я написалъ ему приблизительно слѣдующее:

„Мнѣ такая угроза странна. Зная по собственному опыту мою ревность къ Православной Церкви, Вы не можете заподозривать моихъ чтеній въ намѣренномъ желаніи принести ей вредъ. Все намѣреніе моего труда состояло въ искренномъ и безпристрастномъ разсмотрѣніи спорнаго вопроса. Если и предположить, что я въ этомъ дѣлѣ ошибся, то и въ такомъ случаѣ я менѣе всего могъ бы бояться суда именно евангельскаго; всякій другой судъ могъ бы покривить душою и самъ сбиться

съ пути и приписать мнѣ намѣреніе, котораго я не имѣлъ. Евангельскій судъ ошибиться не можетъ и, зная искренность моихъ сужденій и чистоту побужденій, несомнѣнно смягчилъ бы свой приговоръ надо мною и въ томъ случаѣ, еслибы нашелъ мой взглядъ ошибочнымъ. Вмѣсто того, чтобы пугать евангельскимъ судомъ, предъ которымъ мнѣ предстать не страшно, я прошу васъ собрать всю свою братію (онъ былъ игуменомъ Никольскаго единовѣрческаго монастыря въ Москвѣ), назначить мнѣ день и выслушать меня, предложивъ мнѣ свои возраженія. На петербургскихъ преніяхъ перевѣсь оказывался на моей сторонѣ, но мнѣ этого было мало. Хотя мои соперники—о. Іосифъ Васильевъ, И. Ѡ. Нильскій, Чельцовъ и Чистовичъ представляли, и каждый изъ нихъ самъ по себѣ, а тѣмъ болѣе въ совокупности, очень внушительную силу; но такъ какъ они родились въ Православной Церкви и вопросы старообрядства изучали книжно, а не на собственной своей душѣ, то я затѣмъ и пріѣхалъ въ Москву, чтобы объясниться съ старообрядцами, которые примирились съ Церковью, и прежде всѣхъ имѣлъ въ виду васъ и о. Пафнутія“.

Въ назначенный о. Павломъ день я прибылъ въ Никольскій монастырь, гдѣ были собраны нѣкоторые члены братіи; встрѣтилъ меня самъ о. Павелъ и въ его кельѣ я нашелъ о. Филарета, бывшаго члена бѣлокриницкой іерархіи, и нѣкоторыхъ другихъ, въ точности ихъ именъ не помню—кромѣ слѣпца Шашина, въ ту пору вновь вступившаго въ число братіи Никольскаго монастыря послушникомъ. Я ожидалъ важныхъ возраженій по существу вопроса, мною возбужденнаго, но о.

Павель коснулся лишь нѣкоторыхъ подробностей, которыя не имѣли значенія; другіе присутствующіе, и притомъ немногіе изъ нихъ, ограничились тоже частностями, для рѣшенія главнаго вопроса не имѣющими значенія. О. Филаретъ, начитаннѣйшій изъ всѣхъ присутствовавшихъ, изучившій вопросы старообрядства и книжно, и на своемъ собственномъ опытѣ, все время просидѣлъ молча, не проронивъ ни одного слова. Бесѣда не клеилась. Я началъ уже сожалѣть, что мое посѣщеніе и длинная дорога (отъ Дѣвичьяго поля, гдѣ я жилъ, до Преображенскаго кладбища верстъ пятнадцать) пропали даромъ. Наконецъ слѣпенькій послушникъ Шашинъ обратился ко мнѣ съ такою приблизительно рѣчью.

— Тертій Ивановичъ! Мнѣ съ вами говорить не въ силу; вы видите, я человекъ убогій, вы же ученый, знаете даже по-гречески; стало быть, вамъ меня опрокинуть не трудно, а только вотъ что выслушайте. Родился я въ старообрядствѣ, въ Нижегородской губерніи, и имѣлъ близкаго друга въ томъ же селеніи Дмитрія Ивановича, съ которымъ мы часто бесѣдовали о прежней вѣрѣ и онъ мнѣ прочитывалъ многія книги, которыя касались занимающаго насъ предмета, и мало-по-малу дочитались мы до того, что неправильное положеніе старообрядства стало намъ открываться. По мѣрѣ того, какъ мы усиливали наши совокупныя изслѣдованія, расширяли и кругъ чтеній, учащали наши бесѣды и наконецъ, убѣдившись въ неправотѣ раскола, приняли рѣшеніе присоединиться къ Православной Церкви. И вотъ Богъ меня сподобилъ. Вы видите, что я теперь состою въ единовѣрческомъ монастырѣ, а Дмитрій Ивановичъ, прочитавъ ваши раз-

сужденія о нуждахъ единовѣрія, поколебался въ своемъ намѣреніи, и вотъ теперь стоитъ въ недоумѣніи, и въ церковь нейдетъ. Больше этого я вамъ ничего не могу сказать“.

Я отвѣтилъ ему:

— Если вамъ нечего больше по этому вопросу сказать, то долженъ вамъ замѣтить, что рассказъ вашъ вовсе меня не смутилъ. Друга вашего я не знаю, но во всякомъ случаѣ думаю, что если мое изложеніе предмета могло его остановить въ принятомъ рѣшеніи и ввело его въ нѣкоторое сомнѣніе, то это во всякомъ случаѣ лучше, что онъ испыталъ это сомнѣніе до перехода въ Церковь. Если бы онъ къ Церкви присоединился и недоумѣніе его постигло потомъ, то съ нимъ могло бы случиться полное духовное крушеніе. Повторяю вамъ, что я души вашего пріятеля не знаю, и если онъ, какъ вы говорите, есть истинный искатель правды, то за судьбу его души я не опасаюсь и смѣло ввѣряю ее промышляющему о Своей Церкви Богу.

На этомъ кончилось собесѣдованіе и чрезъ нѣсколько времени я простился дружественно съ о. Павломъ и съ прочими собесѣдниками и возвратился на Дѣвичье поле.

Черезъ нѣсколько дней мнѣ докладываютъ, что меня желаетъ видѣть какой-то мелкій торговецъ или приказчикъ. Я гулялъ въ саду и попросилъ гостя въ садъ.

— Что вамъ угодно? спросилъ я у пришедшаго незнакомца.

— Я, говоритъ, Тертій Ивановичъ, тотъ самый человекъ, о которомъ въ Никольскомъ единовѣрческомъ монастырѣ у о. Павла мой пріятель послушникъ Шапинъ говорилъ вамъ и говорилъ въ томъ смыслѣ, что

я остановленъ былъ отъ присоединенія къ Церкви прочтеніемъ вашихъ статей. Дѣйствительно, статьи эти меня пріостановили и я рѣшился для разъясненія дѣла отправиться въ Калугу, къ Иларіону Егоровичу Ксеносу. Съ вашими чтеніями онъ уже былъ знакомъ и на мой вопросъ: что же мнѣ дѣлать?—онъ отвѣтилъ мнѣ:

— Дмитрій Ивановичъ! поѣзжай къ Тертію Ивановичу и, какъ онъ тебѣ скажетъ, такъ и поступи.

Я долженъ сказать, что Иларіона Егоровича я до той поры лично не зналъ и заочное знакомство наше состояло въ томъ, что я послалъ ему свои чтенія о нуждахъ единовѣрія и получилъ отъ него въ высшей степени замѣчательное письмо, которое здѣсь и приведу цѣликомъ.

Этотъ случай для меня былъ поразителенъ. Судьбу души смущеннаго моими чтеніями Дмитрія Ивановича я смѣло ввѣрилъ Богу, а Богу угодно было рѣшеніе этой судьбы отдать въ руки мнѣ. Дмитрію Ивановичу я отвѣчалъ такимъ образомъ:

— Если бы мои мнѣнія могли помѣшать вступить въ Церковь, то они не позволили бы мнѣ и оставаться въ Церкви; а такъ какъ я въ ней не только остаюсь, но въ ней вижу и единую надежду на свое спасеніе, то отвѣтъ мой кратокъ и ясенъ.

Вскорѣ за симъ Дмитрій Ивановичъ присоединился къ Православной Церкви.

Личное мое знакомство съ Иларіономъ Егоровичемъ Ксеносомъ произошло черезъ три года послѣ этого случая. Въ 1876 г. я получилъ отъ Государственнаго Контролера С. А. Грейга порученіе обревизовать нѣко-

торья изъ контрольныхъ палатъ, въ томъ числѣ и калужскую. Иларіонъ Егоровичъ жилъ еще тамъ, при старообрядческой молельнѣ, и я отправился къ нему. Не заставъ его дома, я остался ожидать его возвращенія и съ причетникомъ этой часовни, имя котораго не помню, велъ довольно продолжительный разговоръ, которому дала поводъ моя книга, причетнику тоже извѣстная. Прошло болѣе часа; стали спускаться сумерки. Наконецъ мой собесѣдникъ сказалъ: „вотъ уже возвращается Иларіонъ Егоровичъ“.

Описать ту радость, которую испыталъ Иларіонъ Егоровичъ отъ свиданія со мной, мнѣ очень трудно. По лицу его побѣжали крупныя, радостныя слезы и онъ настоятельно пожелалъ поцѣловать ту руку, которая писала разсужденія о нуждахъ единовѣрія; уступивъ движенію его сердца, я далъ ему свою руку и въ свою очередь поцѣловалъ его руку. Самъ я тоже испыталъ особенную радость отъ этого свиданія. Чистота и сила чувствъ, обнаруженныхъ Ксеносомъ, его замѣчательная простота и художественная рѣчь, самая наружность Иларіона Егоровича привлекли къ нему сразу мое сердце. Долго мы пробесѣдовали. На другой день онъ пришелъ ко мнѣ и я, воспользовавшись происшедшимъ уже между нами сближеніемъ, позволилъ себѣ спросить его:

— „Ради Бога, Иларіонъ Егоровичъ, объясните мнѣ. Я вижу полную искренность вашихъ убѣжденій, полное знаніе старообрядческаго вопроса, знакомство съ церковными законами. Какъ же вы можете признавать правильною австрійскую іерархію? Этого я никакъ не могу одного съ другимъ примирить“.

— Да я ее и не признаю, — отвѣтилъ онъ.

— Тогда какъ же вы живете безъ всякаго окормленія?

— Такъ и живу, ввергая себя въ пучину милосердія Божія, ожидая того радостнаго дня, когда вопросъ старообрядческій, столь запутанный двухсотлѣтними состязаніями, будетъ рѣшенъ согласно съ правдою и когда церковная власть вступитъ на единственный правильный и вѣрный путь, разрѣшитъ узы клятвъ 1667 г. и тѣмъ предоставитъ старообрядству съ радостною и свѣтлою совѣстью вступить въ лоно Церкви и избавитъ насъ отъ неизбежнаго двоедущія, въ которое впадаютъ присоединенные нынѣ единовѣрцы.

Съ той поры я не видалъ болѣе Иларіона Егоровича, но переписка его со мною продолжалась до самой его кончины, послѣдовавшей въ 1881 году.

Этотъ человекъ имѣлъ чистое сердце, возвышенный умъ и литературныя дарованія. Посылалъ я ему на просмотръ мои разсужденія о болгарскомъ расколѣ, на которыя онъ сдѣлалъ нѣсколько замѣчательныхъ объясненій. Изъ писемъ его особенно важно было одно: о приготовленіи нашими школами противниковъ власти и о противопоставленіи такому направленію нашихъ училищъ способа воспитанія старообрядческихъ отроковъ и юношей.

Т. Филипповъ.

Письмо о. Павла Пруссаго.

Ваше превосходительство, возлюбленный о Господѣ
Тертій Ивановичъ.

Имѣлъ я счастье достопочтенное Ваше письмецо получить и премного Васъ благодарю за Ваше ко мнѣ благоволеніе. Я весьма Васъ благодарю и за первое Ваше ко мнѣ странному привѣтствіе. А паче за благіе совѣты Ваши, ибо Ваши слова, сказанныя мнѣ, что Богъ ради церкви оставилъ небо, признаюсь, онѣ такъ сильно подѣйствовали на меня, что *я ихъ даже и теперь памятую и онѣ у меня лежатъ среди сердца.* Богъ да воздастъ Вамъ. Благодарю Васъ, что Вы изъявили желаніе или соизволеніе участвовать въ братствѣ нашемъ, но, къ сожалѣнію, что братство наше еще не получило утвержденія, потому и не принимается никто ни за какую дѣятельность, а по утвержденіи лѣнится братству, кажись, будетъ нельзя, ибо во извѣтъ лѣности сказать будетъ нечего. Письмо Ваше Его Сіятельству Г. Толстому, какъ Вы писали для доставленія, передалъ отцу Иларіону. Намѣреніе мое есть, ежели Богъ поможетъ, побывать къ старымъ знакомымъ около Ковны и

Вильны и когда буду въ Петербургѣ, желательно видѣться съ Вами, не оставьте своимъ привѣтствіемъ и бесѣдою.

Молитвами Св. Отецъ да будетъ милость Божія и Божіе благословеніе на Васъ.

Вашего Превосходительства покорный слуга

Настоятель Іеромонахъ Павель.

2 Октября 1869 г.

Письмо Иларіона Егоровича Ксеноса.

Блажени хранящїи судъ, и творящїи правду
во всяко время (псаломъ 105, 3).

Твердый и непобѣдимый поборникъ истины
Тертій Іоанновичъ!

Первымъ долгомъ поставляю просить у Вашего Превосходительства извиненія за медленность, невѣжество и ненаученіе мое.

Пріятный даръ Вашъ (протоколы 6, 7 и 8 засѣданій 1873 г. въ Пет. Отд. Об. Люб. Дух. Пр.), съ драгоценнѣйшимъ надписаніемъ отъ 22-го Августа прошедшаго года, я имѣлъ величайшее удовольствіе чрезъ Дм. Ив. своевременно получить, за что въ душѣ моей всегда благодарю Васъ, великодушнѣйшій благодѣтель! Неимѣніе же Вашего адреса лишило меня возможности письменно возблагодарить Васъ.

И, на сихъ дняхъ извѣстившись чрезъ приказчика г. С. Т. Большакова, что присланные въ минувшемъ Апрѣлѣ мѣсяцѣ 6 №№ Гражданина суть дары Вашего Превосходительства, коими изволили утѣшить и обрадовать худость мою. Итакъ сугубое благотвореніе Ваше

понуждаетъ меня послать чрезъ того же г. Большакова (за неимѣніемъ адреса) сіе убогое начертаніе.

Пріимите, достолюбезнѣйшій благодотворитель мой, искреннѣйшую и душевную мою благодарность за Ваше вниманіе и любовь ко мнѣ недостойному. Да воздастъ вамъ Всеблагій Господь Богъ воздаяніемъ благостыннымъ! Да усугубить дни Ваши и увѣнчаетъ Васъ цвѣтущимъ благоденствіемъ, милостію и щедротами и да подастъ Вамъ слово премудрости и разума противу всѣхъ ополченій академическихъ, да не возмогутъ противитися вси противляющіеся Вамъ!

Замѣчательнѣйшія статьи чтенія Вашего — въ отношеніи клятвъ Московскаго собора 1667 года — я почитаю по совѣсти и убѣжденію моему вполне справедливыми и непреоборимыми. Онѣ наполнены правоты, безпристрастнаго изслѣдованія, здраваго разсужденія и свѣтлаго взгляда на вещи. Читать оныя и слушать отраднo, сладостно и превожделѣнно. О! если бы эти мысли и разсужденія раздѣляли Верховнѣйшіе члены Богоучрежденной свѣтской и духовной власти и не тормозили бы нѣкіе изъ писателей, велику бы пользу учинили для расточенныхъ и распуженныхъ многочисленныхъ душъ, за нихъ же Христосъ пострадалъ и Божественную кровь свою пролія.

Начатыя при Никонѣ и завершенныя Московскимъ соборомъ 1667 года клятвы и анаѣмы на содержащихъ до-никоновскій церковный обрядъ и послѣдующій взглядъ свѣтской и духовной власти, совокупно и полемическіе приемы, совмѣщавшіе гадженія и жестокословныя порицанія на вещи, не подлежащія хуленію, не собираютъ со

Христомъ, но расточаютъ, и произвели въ народъ велие смятеніе, возмущеніе, ожесточеніе о конечное раздѣленіе.

Блаженный Августинъ Иппонійскій, въ посланіи 10-мъ къ Іерониму, вспоминая о нѣкоемъ Епископѣ, опредѣлившемъ чести въ подвластной ему церкви переводъ его — Іеронимовъ, — свидѣтельствуеть: „Нѣкоторый братъ нашъ епископъ, егда опредѣли чести въ церкви сущей во власти своей твой переводъ и произнеся нѣчто много иначе отъ тебе положенное во Іонѣ пророкъ, неже было во всѣхъ памяти и чувствахъ углублено и чрезъ толикихъ лѣтъ прешествіе затверждено: сотворися толико смятеніе въ народъ... что болѣе? принужденъ бѣ (епископъ) аки ложное исправить, хотящъ, по велиемъ злоключеніи, не остатися безъ паствы“ [предисловіе къ Библии, изд. при Александрѣ I].

И аще убо едино чтеніе превода толико знаменитаго мужа (Іеронима), иначе изложенное, неже было во всѣхъ памяти углублено и чрезъ долгое время затверждено, можаше въ народъ смятеніе сотворити: кольми паче обнесеніе еретичествомъ до Нибона многолѣтно существовавшаго церковнаго обряда, клятвы же и анаемы на содержащихъ оныя; засимъ преслѣдованіе, цѣпи, изнурительныя пытки, земляныя — нижегородскія и боровскія — глубокія ямы, костры и плахи естественно могли произвести въ нашемъ русскомъ народѣ все то, что было и есть въ настоящее время, т.-е. разъединить и расточить овцы словеснаго стада Христова и поселить въ оныхъ непокореніе и совершенное недовѣріе къ пастырямъ, хотѣвшимъ вразумить ихъ помянутыми средствами — „властію, наказаніемъ и наруганіемъ“ [Іезекіиля 34,

4] и поддержать авторитетъ свой изобрѣтеніемъ соборнаго дѣянія на Мартина армянина и Θεогностова требника, — съ тѣмъ, чтобы объересить всю древнеправославную церковь свято-русскую, не взирая на то, что въ ней многочисленный сонмъ святыхъ подвизався угоди Господеви и нынѣ ликуеть въ торжествующей церкви. Но къ униженію и къ вѣчному безславію изобрѣтшихъ и приводившихъ во свидѣтельство оныя документы, они ясно оказались жалкіе подлоги, которыми православная церковь Христова ни въ какомъ случаѣ руководствоваться не можетъ.

А посему благовременно бы нынѣ ученѣйшимъ Архипастырямъ и мудрымъ писателямъ поприлежнѣе взглянуть на дѣло и, внявъ гласу безпристрастнаго разсужденія вашего — гласу вопіющія истины, — совокупно съ восточными патріархи, грозныя влятвы и прещенія глаголемаго великаго собора и прежде онаго на двоперстное сложеніе и на прочіе обряды частно произнесенныя разрѣшить и разрушить. Понеже и въ древняя времена случались проклятія и анаемы, но вселенскій учитель — Павлова уста и Христова уста — Божественный Іоаннъ Златоустый возбраняетъ анаематисати вѣрныя. „И якоже соборный свитокъ въ царство Константина багрянороднаго и патріарха Алексія, со анаемою сложенный, отверженъ бысть“ [Матѣей правил., въ объятіи всѣхъ...], тако и гремящія влятвы оны, заряженныя желѣзомъ, каменіемъ и тимпаномъ, направленныя противъ содержащихъ обрядъ до-никоновскій и касающіяся сыновъ грекороссійской церкви [пріемлющихъ отъ нея вся таинства и молящихся двоперстно], должно соборнѣ уничтожить, упразднить и

яко небывшія вмѣнить, и полемическіе изощренныя стрѣлы, пущенныя въ порывѣ гнѣва и запальчивости на двоперстіе и прочіе святочтимыя обряды [бывшіе въ употребленіи въ періодъ до-никоновскій во всероссійстѣй церквѣ], притупить и самыя луки сокрушить и всеконечно положить оружіе, заповѣдавъ соборнѣ: кому не ратовати на обряды и дозволить желающимъ совершать оныя, если бы таковыя были и изъ сыновъ грекороссійской церкви. Тогда бы и единовѣріе имѣло правильный и послѣдовательный ходъ, а теперь оно поставлено въ двусмысленное положеніе: поелику клятвы собора 1667 года еще не отмѣнены, и донинѣ существуетъ совмѣстно благословеніе и клятва на одни и тѣ же предметы, какъ свидѣтельствуя историческіе факты и очень ясно и справедливо въ чтеніяхъ своихъ вы доказали, великій ораторъ! За что да будетъ вамъ отъ всѣхъ безпристрастныхъ читателей заслуженная, искреннѣйшая и вѣчно-достоянная благодарность!

Повторяя при семъ мою душевную признательность, пребываю къ Вамъ съ достодолжнымъ уваженіемъ

почитающій Васъ

Вашего Превосходительства

всенижайшій слуга.

Убогій Ксеносъ.

10 іюля 1874 г.

Письмо И. Е. Ксеноса.

Ваше Превосходительство
достолюбезнѣйшій и сладковѣщаннѣйшій
Тертій Іоанновичъ!

Первымъ долгомъ поставляю благодарить Васъ за Вашу любовь и великодушіе, яко изволили посѣтить меня недостойнаго въ толикомъ отдаленіи отъ Васъ отстоящаго чрезъ добродушнаго Н. Я. Соловьева, съ которымъ я пошлю Вамъ отвѣтное начертаніе и экз. Окружнаго посланія. Нынѣ же по чувству уваженія къ Вашей Высокочтимой особѣ сообщаю мою мысль:

Ужасно жаль! Что въ наше время, то тамо, то онамо произростаетъ революціонная пропаганда: и цареубійцы то на берегахъ Невы, то въ Парижѣ, то въ Берлинѣ на жизнь Монарховъ покушаются! Хотя десница Всевышняго и не допускаетъ имъ достигать своихъ цѣлей, но зло очевидно растетъ и усиливается, какъ это ясно доказуютъ событія въ Одессѣ на садовой, и въ прочихъ мѣстахъ. Очень странно! что между ученою молодежью участвуютъ женскія лица; къ чему эти жалкіе люди стремятся? и на что рѣшаются? и что это наука ихъ

до сего безумія доводитъ? или развращенная нравственность помрачивши во глубину погибели порѣваетъ. Противъ этого зла, поставленнымъ на стражѣ и представителямъ высшихъ наукъ необходимо нужно принять надлежащія мѣры, и противодействовать, елико возможно, дабы не отравлялось Русское юношество тлетворнымъ вліяніемъ запада.

У насъ въ старообрядческомъ Русскомъ неученомъ мірѣ, благодареніе Господу Богу, сего зла не обрѣтается; юноши, слѣдуя примѣрамъ праотцевъ, изучивъ Русскую грамоту, читаютъ Священное писаніе и разныя отеческія поученія, въ коихъ часто напоминаетъ: что Власти отъ Бога учинены, и что царей почитать и бояться необходимо нужно. Внимая ученію писанія и гласу совѣсти, у нихъ о революціи и прилогъ помысла не касается. Для нагляднаго понятія о чествованіи Царей, присемъ осмѣливаюсь послать Вамъ 5 экз. всеподданнѣйшаго письма препровожденнаго Государю Императору въ 1863-мъ году, во время польскаго возстанія, изъ коего можете видѣть неизмѣнныя вѣрноподданническія чувства старообрядцевъ послѣдователей стоглавнаго собора и первыхъ пяти Всероссійскихъ Патріарховъ или, что тоже: всей Древле-русской церкви, начиная отъ Царя и до земледѣльца.

Прилагаемый адресъ, хотя грубо написанъ, и съ научной стороны не заслуживаетъ вниманія, но зато по чувству искренняго и непритворнаго убѣжденія составленъ: и сильно ратуетъ противъ всѣхъ революціонеровъ, такъ нагло вооружающихся противъ Богопоставленныхъ Царей!

Присемъ прилѣжно молю: соблаговолите прислать
черезъ почту трудъ Вашъ о греко-болгарскомъ вопросѣ,
коего съ нетерпѣніемъ ожидаю.

Вашего Превосходительства
всенижайшій слуга.

У. Кс. И.

14 Сентября 1878 г.

ЗАПИСКА О. ПАВЛА ПРУССКАГО.

*Нѣсколько словъ по вопросу о клятвахъ собора 1667 г.:
подлежатъ ли онѣ упраздненію, или только разъясненію?*

Нѣкоторые писатели, говоря о клятвахъ собора 1667 г., выражаютъ мнѣніе о необходимости снятія или уничтоженія силы клятвъ и, въ доказательство правильности такого мнѣнія своего, между прочимъ, приводятъ мои слова, что особенно сильнымъ препятствіемъ къ соединенію съ церковію служили для меня именно клятвы собора 1667 года. Если, разсуждаютъ они, для Павла Прусскаго соборныя клятвы казались такимъ важнымъ препятствіемъ ко вступленію въ церковь, то, конечно, еще бдльшимъ препятствіемъ служатъ онѣ для прочихъ старообрядцевъ, а посему и надлежитъ онѣ снять, упразднить. Я не имѣлъ бы нужды входить въ пререканіе съ сими писателями, и мнѣніе ихъ, какъ и слѣдуетъ, предоставилъ бы вполнѣ сужденію и рѣшенію церковной власти; но когда они въ подтвержденіе своего мнѣнія приводятъ слышанное ими отъ меня, то обязаннымъ себя почитаю сдѣлать поясненіе моихъ словъ, раскрыть, по какимъ

тогдашнимъ убѣжденіямъ моимъ находилъ я въ соборныхъ клятвахъ сильное препятствіе ко вступленію въ св. церковь. Сдѣлать такое поясненіе считаю тѣмъ болѣе необходимымъ, что дѣло касается не меня одного, не моего только прежняго понятія о клятвахъ, но съ моимъ о клятвахъ понятіемъ писатели (справедливо) поставляютъ въ связи таковыя же понятія и всѣхъ именуемыхъ старо-обрядцевъ.

Какое же понятіе имѣлъ я первоначально о клятвахъ собора 1667 г., и почему онѣ казались мнѣ сильнымъ препятствіемъ къ соединенію съ церковью?

Если бы я, какъ утверждаютъ нѣкоторые въ своихъ сочиненіяхъ, всю силу и важность усвоилъ тому только, что клятвы, положенныя соборомъ 1667 г., продолжаютъ существовать, доселѣ не уничтожены церковію: это не могло бы служить для меня препятствіемъ къ соединенію церковному. Нѣтъ, не то меня удерживало отъ присоединенія ко св. церкви, что все еще существуютъ и не отложены доселѣ соборныя клятвы, а самое наложеніе сихъ клятвъ соборомъ 1667 г., — то самое, что онѣ были въ то время положены церковію: ибо, рассуждалъ я, произнесеніемъ клятвъ на древніе обряды церковь грекороссійская пала, лишилась благодати Святаго Духа. (Прим: Что таковы были въ прежнее время мои понятія о клятвахъ собора 1667 года, это я не въ первый разъ теперь высказываю, но говорилъ и прежде, чему доказательствомъ служатъ написанныя мною бесѣды съ отцомъ Онуфріемъ, съ Семеномъ Семенычемъ, и другія сочиненія, въ которыхъ я касался сего предмета). Такъ разумѣлъ я въ прежнее время значеніе клятвъ, произнесенныхъ

соборомъ 1667 года; такое же о нихъ понятіе имѣютъ и всѣ вообще старообрядцы. не только безпоповцы, но и заимствующіеся отъ св. церкви крещеніемъ и священствомъ поповцы: одни говорили и говорятъ, что тогда на соборѣ 1667 года, положивъ клятвы на святочтимые обряды, церковь вовсе лишилась благодати Святаго Духа, другіе придумали что тогда въ церкви благодать Св. Духа измѣнилась на несвятость и только оживлялась и оживляется бѣгствующими попами и нынѣ существующимъ австрійскимъ архіерействомъ.

Если бы глаголемый старообрядецъ и убѣдился уже въ древности начертанія имени Христа Спасителя Іисусъ, въ святости четырехконечнаго креста, и прочія мнимыя нововведенія призналъ не нововведеніемъ, а древнимъ обычаемъ, и только оставался бы въ недоумѣніи относительно соборныхъ клятвъ: и тогда препятствіемъ къ соединенію съ церковію для него будетъ служить не то, что клятвы собора еще не сняты, существуютъ доселѣ, а то, что церковь, по его мнѣнію, чрезъ наложеніе соборныхъ клятвъ на именуемые старыя обряды подпала тяжкому грѣху хуленія святоотеческихъ чтимыхъ обычаевъ, лишилась чрезъ сіе благодати Св. Духа, сама пребываетъ въ связаніи, и еще требуетъ исправленія и очищенія.

Вотъ въ чемъ состоитъ укоренившееся въ старообрядцахъ понятіе о значеніи соборныхъ клятвъ. Оно-то и удерживало и меня отъ присоединенія ко св. церкви (да и многихъ другихъ, извѣстныхъ мнѣ, удерживаетъ доселѣ), — и при такомъ понятіи одного снятія, или упраздненія клятвъ собора, еслибъ оно и послѣдовало,

какъ само собою понятно, не могло быть достаточно, чтобы убѣдить меня и подобныхъ мнѣ ко вступленію въ церковь. Тогда только соборныя клятвы перестали служить для меня препятствіемъ къ соединенію съ церковію, когда измѣнилъ я самое понятіе о сихъ клятвахъ, когда выразумѣлъ наконецъ дѣйствительное ихъ значеніе. И случилось это такимъ образомъ: во-1) Богъ помогъ мнѣ понять, что церковь, изъявъ изъ употребленія такъ наз. старые обряды, не отвергла самаго ученія догматическаго, съ сими обрядами соединяемаго, какъ, напр., образованіе двумя перстами двухъ естествъ во Христѣ она не отмѣняетъ, но точно иными перстами оныя повелѣваетъ образовывать, въ молитвѣ ісусовой заповѣдала соборнѣ говорить Боже нашъ, а не Сынъ Божій, не потому, чтобы Сыномъ Божіимъ Христа не признавала (ибо и сама въ пѣснопѣніяхъ соборнѣ всегда славословила и славословитъ Христа Сыномъ Божіимъ, а по инымъ уважительнымъ причинамъ. Но это былъ только еще первый шагъ къ устраненію обрѣтаемаго въ соборныхъ клятвахъ препятствія къ церковному соединенію; совершенное же устраненіе сего препятствія послѣдовало тогда, когда я выразумѣлъ, что соборъ 1667 г., при произнесеніи клятвъ, имѣлъ въ виду лица раздирателей церковныхъ и хульниковъ, также людей, хотя не отдѣлившись еще отъ церкви, но не признававшихъ ея уставовъ и злыхъ порицанія износившихъ на ея обряды, о чемъ и самый соборъ, прежде изнесенія клятвъ, ясно засвидѣтельствовалъ; на такія же личности, которыя бы св. церковь не хулила и обряды ея уважала, а только за привычку просили бы у церкви дозволенія содержать обряды вре-

мень прежнихъ патріарховъ московскихъ, — на такія личности соборъ въ своемъ опредѣленіи не указываетъ и на нихъ приговоръ свой съ проклятіемъ не простираетъ; посему на таковыхъ блюстителей именуемаго стараго обряда возводить соборныя клятвы значило бы поступать несогласно съ волею и рѣшеніемъ собора. Убѣдясь так. обр., что соборныя клятвы положены не за содержаніе именуемыхъ самыхъ обрядовъ, тѣмъ паче не на самые обряды, а на людей похулившихъ церковь изъ неразумной ревности по обрядамъ, что притомъ онѣ вызваны дерзкими хуленіями этихъ людей на церковь и ея уставы, я уже не видѣлъ въ сихъ клятвахъ препятствія къ соединенію съ церковію; это, наконецъ, усвоенное мною и, по моему разумѣнію, вполне согласное съ самымъ существомъ дѣла понятіе о соборныхъ клятвахъ и отворило мнѣ дверь къ вступленію въ православную церковь.

И не со мною однимъ такъ было, но и со многими присоединившимся ко св. церкви въ разныхъ мѣстахъ Россіи и по разнымъ губерніямъ, какъ-то: въ Москвѣ, въ Петербургѣ, въ Казани, въ Ярославской губ., Костромской, Симбирской, Саратовской, Самарской, Пензенской, Харьковской, въ Житомирѣ, въ Витебской губ., Псковской, Ковенской, Виленской, въ Пруссіи, въ Австріи: изъ сихъ въ разныхъ мѣстахъ присоединившихся старообрядцевъ есть личности весьма начитанныя, и всѣ они сдѣлались вѣрными сынами церкви и ревнителями православія единственно съ такимъ же, какъ и мое, убѣжденіемъ о клятвахъ собора 1667 г., т. - е., что оныя положены на противниковъ церкви, изъ неразумной рев-

ности по именуемымъ старымъ обрядамъ отдѣлившихся отъ общенія церковнаго. А снятіе, или упраздненіе клятвъ собора безъ такого убѣжденія не только не привлекло бы ихъ къ св. церкви, но еще подало бы имъ поводъ заключать что видно церковь и въ самомъ дѣлѣ проклинала не противниковъ и раздорниковъ церковныхъ, а самые святоотеческіе, чтимые нами обряды, и чрезъ сіе впала въ грѣхъ, лишилась благодати... Не снятія или упраздненія соборныхъ клятвъ желаютъ всѣ присоединившіеся ко св. церкви свѣдущіе и разсудительные люди, а только того, чтобы сдѣлано было соборное разъясненіе клятвъ въ такомъ смыслѣ, что оныя положены и лежатъ на хулителяхъ церкви, изъ-за обрядовъ воздвигшихъ и поддерживающихъ раздоръ церковный; да еще всѣ они желаютъ того, чтобы уничтожены были слишкомъ рѣзкія выраженія о именуемыхъ древнихъ обрядахъ, допущенныя частными писателями въ полемическихъ сочиненіяхъ.

Здѣсь, для лучшаго разъясненія занимающаго насъ вопроса, не лишнимъ полагаю изложить одну бесѣду о значеніи соборныхъ клятвъ, которую имѣлъ я не съ безпоповцемъ и не съ кириловцемъ, или такъ наз. раздорникомъ, а съ защитникомъ окружнаго посланія, покойнымъ Семеномъ Семеновымъ. Когда я свидѣлся въ Чудовомъ монастырѣ съ о. Пафнутіемъ, вскорѣ послѣ его присоединенія къ церкви, тогда была молва, что единовѣрцы ходатайствуютъ объ упраздненіи клятвъ собора 1667 г. При разговорѣ съ о. Пафнутіемъ была у насъ объ этомъ рѣчь, и между прочимъ онъ сказалъ мнѣ: „я слышалъ отъ Семена Семеныча, что и его отъ

присоединенія къ церкви удерживаютъ также однѣ только клятвы собора 1667 г.“ Вскорѣ же пришлось мнѣ увидѣться съ Семеномъ Семеновичемъ въ домѣ покойнаго Елисея Савича Морозова, и я, желая точнѣе узнать, какихъ именно держится онъ понятій о клятвахъ собора 1667 г., спросилъ его: „скажите чистосердечно, Семенъ Семенычъ, какъ вы полагаете, можно ли будетъ присоединиться къ церкви, ежели, какъ слышно, соборомъ упразднены будутъ клятвы 1667 г.“? С. С. отвѣтилъ: „ежели и упразднены будутъ клятвы, не присоединюсь я къ церкви, пока она не введетъ въ употребленіе старыя книги и старыя обряды“. Я еще спросилъ: „а когда и клятвы будутъ уничтожены, и старыя книги будутъ введены въ употребленіе, тогда согласны ли будете присоединиться къ церкви“? С. С. отвѣтилъ: „не присоединюсь еще и тогда; а пусть церковь сначала признаетъ, что предки наши и мы неизмѣнно соблюли древнее благочестіе и раздорниками не были, какъ она думаетъ, и что она несправедливо и незаконно изнесла на насъ клятвы“. Я еще спросилъ: „а ежели и это все будетъ исполнено, тогда наконецъ согласны будете идти въ церковь“? С. С. отвѣтилъ: „и тогда еще не пойду; а пусть греческіе и россійскіе архіереи попрощаются у нашихъ за свои на старыя обряды дерзости, — хоть ослаби, остави прочитаютъ: когда получаютъ отъ нашихъ архіереевъ разрѣшеніе, тогда и будемъ съ ними воедино“. Я замѣтилъ С. С.—чу: „ты хочешь теперь чтобъ отъ вашихъ архіереевъ грекороссійскіе приняли разрѣшеніе; а греческій митр. Амвросій отъ какого архіерея получилъ у васъ разрѣшеніе, когда вступилъ къ вамъ и сдѣлался родо-

начальникомъ вашихъ нынѣшнихъ архіереевъ“? С. С. не зналъ что отвѣтить. Но не въ этомъ дѣло; здѣсь важно для насъ собственно то, какъ рассуждалъ о снятіи соборныхъ клятвъ и какое усвоилъ ему значеніе одинъ изъ знаменитыхъ старообрядскихъ начетчиковъ, принадлежавшій къ партіи такъ наз. окружниковъ. Онъ не только не допускалъ, чтобы по снятіи клятвъ старообрядцы легко могли присоединиться къ церкви, но еще приходилъ къ тому заключенію, что по снятіи клятвъ сами церковные должны присоединиться къ старообрядцамъ, подвергнувъ себя исправѣ. И если бы дѣйствительно послѣдовало снятіе или упраздненіе клятвъ, чего желаютъ и нѣкоторые литераторы, а не разъясненіе только, тогда старообрядцы въ полемикѣ съ православными непременно приняли бы новый оборотъ: держась того мнѣнія, что клятвы положены собственно за употребленіе именуемыхъ старыхъ обрядовъ, они никакъ не удовлетворятся однимъ только снятіемъ оныхъ, а безъ сомнѣнія пойдутъ по стопамъ Семена Семеныча, будутъ требовать еще, чтобы церковь признала себя погрѣшившею чрезъ произнесеніе клятвъ и очистилась отъ этого грѣха, т.-е. чтобы посредствомъ исправы сама къ нимъ присоединилась. Въ этомъ удостовѣряютъ и существующія во всѣхъ старообрядскихъ сектахъ чинопріятія, посредствомъ которыхъ они принимаютъ входящихъ къ нимъ отъ великороссійской церкви: ибо и самые окружники, по общему мнѣнію, ближайшіе къ прав. церкви, безъ навершенія крещенія миропомазаніемъ, или, по снисхожденію, возложеніемъ рукъ, православныхъ къ себѣ не принимаютъ. При такомъ возрѣніи старообрядцевъ на

клятвы собора 1667 г., повторю опять, невозможно надѣяться, чтобы чрезъ снятіе сихъ клятвъ были отворены имъ двери къ соединенію церковному, напротивъ, оно даетъ имъ еще новое орудіе дѣйствовать противъ церкви.

Скажутъ (и говорятъ нѣкоторые) пусть соборъ 1667 г. положилъ клятвы собственно на укорителей и хулителей церкви; но церковь по челолюбію должна снять съ нихъ клятвы, дабы старообрядцамъ отворить двери къ соединенію церковному. На это мы скажемъ: церкви надлежитъ быть съ немощными яко немощной, но только ежели есть предусмотрѣніе — да немощныя пріобрѣщеть; а ежели, какъ мы выше показали, того не предвидится, но еще поставлены будутъ въ затруднительное положеніе хотящіе трудиться въ проповѣди слова истины глаголемымъ старообрядцамъ, то какая будетъ польза отъ снятія соборныхъ клятвъ? Въ Христ. Чтеніи, въ книжкѣ за мѣсяць май 1870 г., авторъ статьи „о единовѣріи“ излагаетъ даже и самыя слова, коими бы, послѣ такового, по милосердію сдѣланнаго снятія клятвъ, можно было отвѣчать старообрядцу на его недоумѣніе, почему клятвы были положены прежде, когда теперь сама же церковь признала ихъ ненужными. Вотъ эти слова: „когда-де ревнители мнимой старины, при исправленіи книгъ и обрядовъ въ патріаршество Никона, упорно возстали противъ церкви въ защиту этихъ книгъ и обрядовъ, не чуждыхъ погрѣшностей; когда на перемѣну даже одной буквы въ этихъ книгахъ они стали смотрѣть какъ на перемѣну вѣры, какъ на ересь; когда при томъ исправленные обряды и книги начали поносить самими „хульными“ именами, а церковь, принявшую эти исправленія,

обзывать „оскверненною ересью многими и антихристовою скверною“, вслѣдствіе чего „мнози христіане отлучишася церковнаго входа и молитвы и о грѣсѣхъ своихъ покаянія, и исповѣданія, и причастія тѣла и крови Христовы лишшася“; когда наконецъ, вожди возставшихъ противъ церковнаго исправленія провозгласили потерявшею истину и православіе не только церковь русскую, но и греческую (доп. въ А. Истор. т. V, стр. 449 и 459), и так. обр. впали въ ложную еретическую мысль, будто истинная церковь, вопреки слову Основателя своего, прекратилась на землѣ, — соборъ московскій 1667 г. строго судилъ такое неправильное мудрованіе и на защитниковъ его, какъ еретиковъ и непокорниковъ, наложилъ проклятіе.“ До здѣ изъ Христ. Чтенія. Слова эти правильно объясняютъ происхожденіе соборныхъ клятвъ; но желательно знать, отъ чьего же лица они должны будутъ провозгласиться старообрядцамъ? Ежели отъ самой церкви, то какъ церковь, выражая столь рѣшительно, что клятвы собора положены на еретиковъ и непокорниковъ, обозвавшихъ ее оскверненною ересью многими и потерявшею православіе, похулившихъ имя Христа Спасителя Іисусъ, и св. крестъ христовъ четырехконечно изображенный, и св. таинство тѣла и крови христовыхъ, — какъ опа такихъ же хулителей и въ томъ хуленіи пребывающихъ, не покаявшихся, будетъ разрѣшать отъ клятвы? на какомъ основаніи и на какую потребу? Не доумѣваю.

Если бы даже соборнѣ сняты были клятвы только съ присоединившихся отъ старообрядства ко св. церкви, и въ такомъ случаѣ возникаетъ вопросъ: зачѣмъ это дѣ-

латъ, когда, по словамъ самого автора статьи о едино-вѣрїи, клятвы положены только на хулителей св. церкви, а они уже болѣе не хулители? Скажутъ, что прежде, бывъ старообрядцами, они были хулителями церкви, на которыхъ и положена клятва: посему, обращаясь къ прав. церкви, они нуждаются въ томъ, чтобы сія клятва была снята съ нихъ. Но не напрасно ли таковымъ вторично требовать сложенія клятвы, когда клятва снята съ нихъ самимъ соборомъ 1667 г.? ибо соборъ постановилъ на таковыхъ дотолѣ точно лежати клятвамъ, доколѣ пребудуть во упрямствѣ своемъ.

Такъ обр. изъ словъ самого автора статьи о едино-вѣрїи мы убѣждаемся что есть нужда не въ снятіи клятвъ, а только въ разъясненіи оныхъ, на кого и за что онѣ положены, на кого простираются и на кого не простираются. Если же церковь сняла бы клятвы безъ всякаго разъясненія, объясненіе же, на кого и за что оныя положены, написанное авторомъ статьи о едино-вѣрїи, стали бы объявлять старообрядцамъ частныя лица, то старообрядецъ не затруднился бы тогда замѣтить такому частному лицу: „это говоришь ты, а церковь, сложившая клятвы, очевидно, не съ хулителей церковныхъ слагала ихъ, но просто съ употребляющихъ старые обряды: значитъ, она признала, что соборомъ 1667 г. клятвы положены были именно за употребленіе святоотеческихъ обрядовъ и теперь, слагая сіи клятвы, она сама созналась, что клятвы положены были неповинно и незаконно“. За симъ старообрядцы съумѣютъ подвести и правила, которымъ подлежатъ незаконно износящіе клятву, а наконецъ сдѣлаютъ заключеніе, что церкви не насъ де

слѣдуетъ увѣщевать къ соединенію, а прежде себя очистить исправою за незаконно произнесенную соборомъ 1667 г. клятву и искать общенія съ нами. И произойдетъ так. обр. новая бесполезная борьба.

Вотъ что можетъ послѣдовать за снятіемъ или упраздненіемъ соборныхъ клятвъ.

Мы это пишемъ не въ предостереженіе церковной власти, — о которомъ и помыслить не дерзаемъ, — мы твердо вѣруемъ, что церковь, обормляемая духомъ Святымъ, не можетъ погрѣшить въ своихъ опредѣленіяхъ; но только самихъ себя и прочихъ частныхъ лицъ желаемъ вывести изъ затрудненія къ лучшему разсужденію. Я вполне соглашаюсь, что по вопросу о клятвахъ собора 1667 г. необходимо церковное рѣшеніе; но не въ томъ должно состоять оно, чтобы клятвы сіи соборнѣ были сняты или упразднены, а чтобы только соборнѣ разъясненъ былъ смыслъ оныхъ: за что и на кого онѣ положены, кто подлежитъ имъ, и на кого онѣ не простираются; да еще необходимымъ признаю, чтобы церковною властію уничтожены были слишкомъ рѣзкія выраженія, смущающія читателей глаголемыхъ старыхъ обрядовъ въ нѣкоторыхъ полемическихъ сочиненіяхъ. Все сіе необходимо для того, чтобы избавить великаго труда проповѣдующихъ старообрядцамъ слово истины и слову ихъ подать силу и чтобы самимъ старообрядцамъ уладился путь къ соединенію съ церковью.

Цѣна 50 коп.

Складъ изданія въ книжн. магазинѣ типографіи М. Стасюлевича.
Спб., В. О., 5 л., 28.